
Древне-церковно-славянский язык и его возможное жизненное применение.

Мм. Гг.

Обычнымъ, выработаннымъ практикою и освященнымъ традиціею содержаніемъ *вступительныхъ* въ курсъ лекцій науки бываетъ изложеніе въ общихъ, но характерныхъ чертахъ *предмета* и *задачъ* будущихъ занятій. Необходимость такой педагогической мѣры,—возвести предварительно своихъ будущихъ слушателей какъ бы на нѣкоторую умственно-представляемую возвышенную точку, откуда они имѣли бы возможность окинуть взглядомъ всю темную пока для нихъ область новой науки, сразу охватить предметъ (по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ), чтобы дальнѣйшія чтенія уже сознательно воспринимались ими, какъ детальная разработка этого, усвоеннаго заранѣе, плана науки,—подобная необходимость по отношенію ко всякой наукѣ такъ понятна и естественна. Но мнѣ думается, что такая пропедевтика еще необходимѣе въ нашей наукѣ, и вотъ почему. Древне-церковно-славянский языкъ — наука во всякомъ случаѣ не новая, въ особенности для питомца духовной школы. Съ ней ознакомились вы въ самые ранніе годы своего школьнаго развитія, и—именно въ формѣ сухого перечисленія грамматическихъ правилъ и отчасти синтаксическихъ явленій. Конечно, всѣ эти морфологическія и синтаксическія формы и правила уже давно и основательно позабыты, но самое

¹⁾ Настоящая статья представляет собою вступительную лекцію по др.-ц.-славянскому языку, читанную въ значительбо сокращенномъ видѣ въ настоящемъ учебномъ году.

впечатлѣніе отъ науки осталось. Оно, понятно, и вылилось въ такое представленіе о ней, которое рисуетъ ц.-славянскій языкъ наукой очень ограниченной по своему матеріалу, уже достаточно исчерпанному въ свое время, и притомъ поставленной въ рядъ прочихъ предметовъ *низшаго* порядка въ системѣ школьнаго обученія. И вотъ теперь, встрѣчая эту науку, — съ которой вы въ своемъ представленіи какъ будто уже давно покончили счеты, — въ числѣ прочихъ дисциплинъ академическаго преподаванія, вы естественно проникаетесь самымъ искреннимъ недоумѣніемъ. Что *общаго* между этимъ голымъ перечнемъ нѣсколькихъ сухихъ грамматическихъ явленій и — высшей школой? Что *новаго* въ сферѣ данной науки сообщаетъ эта послѣдняя, да и вообще можно ли дать что-нибудь свѣжее и если не интересное, то во всякомъ случаѣ *лишнее* въ добавленіе къ извѣстному? Такимъ образомъ, двойная необходимость заставляеть начать чтенія именно съ изложенія въ общихъ чертахъ матеріала науки и схемы его расположенія, т. е. тѣхъ рамокъ формальнаго и матеріальнаго характера, въ предѣлахъ которыхъ можетъ быть поставленъ ц.-славянскій языкъ въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Древне-ц.-славянскій языкъ — одинъ изъ существенныхъ объектовъ славянской филологіи или славистики — принадлежитъ, какъ опредѣленная лингвистическая особь, къ области *языкознанія* вообще. Отсюда понятно, что научные приемы въ изслѣдованіи ц.-славянскаго языка должны быть одни и тѣ же, что и у лингвистики вообще. Слѣд., очертивъ общими штрихами область, методъ и научныя задачи языкознанія вообще, мы тѣмъ самымъ заранѣе подготовимъ себя къ своей наукѣ, составимъ себѣ представленіе о тѣхъ требованіяхъ, которыя должно предъявить къ ц.-славянскому языку, какъ извѣстной дисциплинѣ славянской филологіи.

Языковѣдѣніе занимается научнымъ изученіемъ того культурнаго произведенія человѣческаго общества, благодаря которому, говоря словами Гумбольдта, человѣкъ сталъ человѣкомъ ¹⁾. То есть языкознаніе изслѣдуетъ человѣчскій „языкъ“ во всѣхъ его разновидностяхъ и разнообразіи его жизненныхъ проявленій: связываетъ явленія языка, обобща-

1) Томсонъ А. И. Общее языковѣдѣніе. Одесса 1910 г., стр. 1.

еть ихъ въ факты, опредѣляетъ законы развитія и существованія языка и отыскиваетъ дѣйствующія при этомъ силы. Что же разумѣется *вообще* подъ этимъ названіемъ, и что—частнѣе—составляетъ *предметъ* лингвистики?

Какъ извѣстно, слово „языкъ“ понимается въ двоякомъ смыслѣ: вещественномъ и духовномъ. Какъ органъ внѣшняго чувства, онъ знакомитъ человѣка съ предметами внѣшняго міра, которые потомъ усваиваются тѣломъ человѣка: безъ языка мы имѣли бы только несовершенное представленіе о вкусѣ. Какъ органъ внутренняго чувства, онъ знакомитъ внѣшній міръ состояніями души посредствомъ звуковъ. Слово „языкъ“ въ обоихъ случаяхъ понимается въ смыслѣ вещественномъ. Въ смыслѣ духовномъ подъ языкомъ разумѣется не „органъ“, но цѣлый звуковой организмъ ¹⁾, созидаемый извѣстнымъ народомъ такъ, что онъ служитъ воспроизведеніемъ въ звукахъ съ одной стороны предметовъ и дѣйствиіи видимаго міра, а съ другой—мышленія, свойственнаго складу народнаго ума. Самая цѣль созданія такого организма заключается, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы посредствомъ его познать внѣшній міръ, и затѣмъ,—чтобы усвоить этотъ внѣшній міръ духу.

Таково общее понятіе объ языкѣ, какъ опредѣленномъ духовномъ фактѣ, отмѣчающемъ высокое назначеніе человѣка. Но чтобы стать предметомъ *научнаго* изслѣдованія, языкъ долженъ быть взятъ въ его идеальномъ представленіи, абстракціи, какъ сумма *дѣйствительныхъ* явленій, сумма дѣйствительныхъ фактовъ, функція его отдѣльныхъ носителей—людей. Дѣло въ томъ, что какого нибудь абсолютно-общаго языка, одинаковаго у всѣхъ индивидуумовъ извѣстной націи, собственно не существуетъ. Каждый изъ отдѣльныхъ людей какъ мыслитъ по своему, такъ и имѣетъ непремѣнно своеобразный способъ говорить устно и письменно. Эти то особенности рѣчи и письма, объединяясь въ нѣчто общее, и составляютъ „языкъ“. Такимъ образомъ, языкъ того

¹⁾ Языкъ называю организмомъ не въ прямомъ зоологическомъ смыслѣ, но пользуюсь этимъ словомъ, какъ удобнымъ внѣшнимъ образомъ, какъ наиболѣе соответствующимъ понятію о языкѣ, поскольку всякій языкъ (каждаго народа) есть самостоятельная, способная къ жизни, духовная единица, развивающаяся въ опредѣленныхъ предѣлахъ, зачаточно отвѣденныхъ ей природою.

и другого народа въ своемъ *общемъ* объемѣ, какъ опредѣленная искомая величина, существуетъ только въ отвлеченномъ понятіи, полученномъ, благодаря индукціи, послѣ наблюденія рѣчи отдѣльныхъ индивидуумовъ данной народности. Понятію о языкѣ въ сферѣ этнологіи вполне соответствуетъ понятіе о „народѣ“, который есть такая же живая собирательная единица, какъ и языкъ.

Таково понятіе о языкѣ, какъ предметѣ лингвистики, все равно—возьмемъ ли мы языкъ какого либо отдѣльнаго народа, или же—въ общей формѣ обще-человѣческаго языка.

Но для того, чтобы сложилось *понятіе* о языкѣ, необходимо наблюденіе явленій языка, необходимо подборъ фактовъ, необходимо *матеріалъ*. Этотъ послѣдній языковѣдъ очерчиваетъ съ одной стороны изъ народнаго языка во всей его полнотѣ, а также и разговорнаго — всѣхъ слоевъ общества данной народности, какъ простолюдиновъ, такъ и образованнаго класса. Съ другой стороны, важнымъ источникомъ является письменность, литература и вообще всѣ слѣды языка въ какихъ бы то ни было начертаніяхъ ¹⁾.

Въ чемъ же частнѣе состоятъ *явленія* или факты языка?

Существованіе языка, какъ извѣстнаго духовнаго организма, обусловлено наличностью въ человѣческомъ духѣ мышленія, котораго языкъ есть, такъ сказать, естественное фізіологическое орудіе. Въ этомъ смыслѣ иногда говорятъ, что языкъ есть громкое мышленіе, и что мыслить значитъ то же самое, что говорить безъ звука. Поэтому, самыми основными элементами языка являются:— *мышленіе*, т. е. мозговая дѣятельность, движеніе духа, и словесный *звукъ*, или произведеніе словесныхъ органовъ (легкихъ, гортани, полости рта, носа, зубовъ, языка). Изъ этихъ основныхъ элементовъ образуется членораздѣльная человѣческая рѣчь, какъ самое удобное и, такъ сказать, отъ природы данное средство для проявленія мышленія. Звуковые элементы играютъ при этомъ пассивную роль. Обладая эластичною способностью сочетаться между собою разнообразнымъ образомъ, комбинировать множество разнovidныхъ звуковыхъ группъ, сочетать эти звуковыя группы въ слова, улетучивающіяся тотчасъ послѣ своего произнесенія,—словесные звуки представ-

¹⁾ Учен. Зап. Казанск. Универс. 1889 г., кн. 1. стр. 20 и 24.

ляютъ собою прекрасный внѣшній матеріаль, которымъ распоряжается по своему усмотрѣнію второй элементъ языка, т. е. мышленіе. Самый *процессъ* образованія слова можно представить въ такомъ видѣ. Всякія, только что образовавшіяся въ душѣ, понятія и представленія мышленіе непременно ставятъ между собою въ извѣстныя *отношенія*; и тогда же получается остовъ, сущность слова, слово „идейное“, т. е. не завершившее своего бытія проявленіемъ въ звукѣ. Это — *первый* моментъ. Когда же и этотъ матеріаль (т. е. понятія и представленія) и формальная его сторона (т. е. отношенія ихъ между собою) разрѣшаются *въ звукахъ*, то наступаетъ *второй* моментъ, образуется слово реальное.

Такимъ образомъ, языкъ посредствомъ своихъ звуковъ, т. е. „слова“, долженъ выразить матеріальную и формальную сторону мышленія. Отсюда, во всякомъ словѣ должно быть высказано и *значеніе* слова, и *отношеніе* его къ другому, т. е. содержаніе и форма мышленія. Въ противномъ случаѣ функція или назначеніе слова не будетъ выполнено, и никакъ нельзя будетъ принять за слово такую группу звуковъ, которая не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго значенія и не выражаетъ никакого отношенія. — Такъ, напр., въ словѣ „есть“ — звуковая группа „ес“ выражаетъ значеніе бытія, а остальною звуковой группой „ть“ выражено отношеніе 3-го лица ед. числа. Но выраженіе „ахъ“ собственно не есть слово, такъ какъ въ немъ нельзя отыскать *основныхъ* элементовъ мышленія, т. е. значенія и отношенія.

Тотъ звукъ или та звуковая группа, составляющая слогъ, которая обозначаетъ въ словѣ значеніе его, называется *корнемъ* слова. Безъ такихъ звуковъ значенія, т. е. корней, немислимъ ни одинъ языкъ. Звуки же отношенія суть ничто иное, какъ болѣе или менѣе обезображенные первоначальные корни.

Но кромѣ изученія функцій разныхъ словесныхъ звуковъ значенія и отношенія, въ языкахъ должно бытъ обращено вниманіе на ихъ *форму*. Правда, иногда специальныхъ звуковъ въ словѣ для обозначенія отношенія его можетъ и не существовать въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр., въ китайскомъ. Но тамъ, гдѣ отношеніе выражается посредствомъ опредѣленныхъ звуковъ, оно дѣлается въ разныхъ языкахъ не одинаково. Именно: звукъ отношенія можетъ поставляться

или передъ звукомъ значенія—префиксъ; или—послѣ него—суффиксъ; или же можетъ вторгаться посреди звука значенія—инфиксъ; или же, наконецъ,—въ той или другой одно-временной комбинаціи приведенныхъ способовъ. И вотъ, смотря по тому, какое обыкновенно мѣсто въ словѣ занимаетъ звукъ отношенія, отсюда зависить, такъ называемая, *форма* языка.

Наконецъ, количество и качество функций звуковыхъ показателей, равно какъ и форма извѣстнаго языка имѣютъ вліяніе на его *синтаксисъ*, т. е. на устройство предложенія, именно, отзываются на свободѣ въ расположеніи составныхъ словъ его.

Итакъ, словесный звукъ, функция, форма и синтаксисъ,—вотъ тѣ явленія или факты, которые образуютъ языкъ, — слѣд.,—тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ онъ можетъ быть изслѣдуемъ ¹⁾.

Основательное познаніе о звукахъ, функцияхъ звуковыхъ показателей отношеній, о формѣ и синтаксисѣ извѣстнаго языка составляетъ предметъ *грамматики*. Грамматика распадается на два главныхъ отдѣла: *этимологию*, т. е. разсмотрѣніе явленій, наблюдаемыхъ въ отдѣльныхъ словахъ, и *синтаксисъ*,—сочетанія словъ въ предложеніи и соединенія предложеній въ одно цѣлое. Этимологія въ свою очередь раздѣляется, во первыхъ, на *фронетику* (фонологию), т. е. ученіе о звукѣ, какъ простѣйшей единицѣ языка, безъ опредѣленія связаннаго съ ней значенія,—или—о звукѣ въ словѣ; во 2-хъ,—на *морфологию*, т. е. ученіе о формахъ словъ и ихъ измѣненіи, какъ средствѣ для выраженія той или другой идеи (показанія отношенія).

Но нужно имѣть въ виду, что языкъ дѣлается предметомъ языкознанія въ его *исторіи*, т. е. языкъ не есть нѣчто закристаллизовавшееся, окаменѣлое: онъ имѣетъ свою *жизнь*. Эта жизнь выражается въ томъ, что факты или явленія языка, подъ вліяніемъ фізіологическихъ и психологическихъ причинъ, совершенно незамѣтно для носителей его съ теченіемъ времени измѣняются. Появляются новые факты, старые или утрачиваются, или преобразовываются чрезъ при-бавленіе лишнихъ элементовъ въ звуковой системѣ и т. д.

¹⁾ Киевск. Унив. Извѣстія; 1870, 1, стр. 4—5.

Благодаря этому обстоятельству и грамматика всякаго языка должна изслѣдовать *процессъ жизни* языка съ его законами, т. е. прослѣдить послѣдовательно жизнь его звуковъ, функций звуковыхъ показателей отношеній въ немъ, формъ и предложеній, почему она и называется „*исторической*“. Но такъ какъ, при всемъ этомъ, грамматика старается прослѣдить жизнь языка не только исторически точно, но и по возможности объяснить генетически преемственно формы этихъ явленій языка, то она носитъ названіе также и „*сравнительной*“ грамматики, такъ какъ объясненіе означенныхъ фактовъ возможно только путемъ сопоставленія и сравненія нѣсколькихъ *родственныхъ* языковъ.

Въ область грамматики входятъ и нѣкоторыя другія дисциплины: 1., *темагологія* т. е. ученіе объ основахъ или объ образованіи словъ; 2., *семасіологія*, т. е. изслѣдованіе отраженія внѣшняго міра на внутреннемъ состояніи человѣка и выраженіи этого въ формахъ языка. Тѣсно примыкаетъ къ грамматикѣ также и *лексикологія*, имѣющая свою спеціальностію разьясненіе функций звуковыхъ показателей значенія, т. е. реальный смыслъ слова ¹⁾.

Наконецъ, подкладкой языкознанія или вступленіемъ въ эту науку является *физиологія* звуковъ рѣчи, т. е. наука, опредѣляющая способъ участія органовъ при произношеніи звуковъ человѣческой рѣчи, сообразно чему производится классификація звуковъ и физиологическій анализъ рѣчи.

Такъ вотъ, собственно говоря, въ общихъ чертахъ тѣ основные пункты, въ предѣлахъ которыхъ и развивается языкознаніе, или лингвистика. По крайней мѣрѣ это мы можемъ сказать по отношенію къ современному языкознанію, которое такимъ именно путемъ изучаетъ группу индо-европейскихъ языковъ, въ составъ которыхъ входятъ языки: индійской вѣтви (санскритъ), иранской вѣтви (др. персидской), армянской в., албанской в., греческой в., италянкой в. (латин. яз.), кельтской в., германской в., балтійской или литовской в. и славянкой вѣтви. Эта группа заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны лингвистики, какъ потому, что она явилась органомъ цивилизацій индійской, греческой, римской, служа и теперь органомъ современной цивилиза-

¹⁾ Томсонъ, цит. соч., стр. 14—16.

ціи, такъ и потому, что она долѣше всѣхъ, пожалуй, живетъ и прошла черезъ наибольшее количество фазисовъ своего развитія ¹⁾.

Съ выше указанныхъ точекъ зрѣнія будетъ производиться анализъ и предмета нашихъ съ вами изслѣдованій, т. е. древне-церк.-славянскаго языка, входящаго, повторяю, въ языковѣдѣніе, какъ часть въ свое цѣлое.

Что такое древне-церковно-славянскій языкъ?

Въ настоящее время это языкъ мертвый, не употребляющийся въ живой разговорной рѣчи, но ему принадлежитъ славное прошлое. Исторія его тѣсно связана съ знаменитыми именами славянскихъ просвѣтителей Свв. Кирилла и Меѳодія, которые на этотъ языкъ во второй половинѣ IX в. перевели съ греческаго книги Священнаго Писанія и книги богослужебныя. Правда, зародыши письменности существовали у славянъ еще задолго до Св. братьевъ, какъ свидѣтельствуеетъ объ этомъ черноризецъ Храбръ, напр., но литературный языкъ появился у славянъ только съ эпохой Кирилла и Меѳодія и только ц. славянскій языкъ имѣетъ право называться первымъ органомъ славянской образованности и просвѣщенія.

Возникаетъ вопросъ: какой народъ говорилъ на этомъ древнемъ священномъ языкѣ славянъ? Гдѣ нужно искать его родину?—т. е. что такое ц.-славянскій языкъ?

Вопросъ этотъ вызвалъ среди ученыхъ весьма оживленные споры. Но въ настоящее время наука, въ лицѣ большинства ея авторитетныхъ и преимущественно русскихъ представителей—какъ Бодянскій, Григоровичъ, Срезневскій, Соболевскій, Флоринскій, Шафарикъ, Лескинъ, Ягичъ—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ ясно и просто: „Древне-церковно-славянскій языкъ есть языкъ тѣхъ южныхъ славянъ IX в., которыхъ потомками являются современные болгары, въ частности македонскіе“. Но какъ ни простъ этотъ выводъ, наука завоевала его, повторяю, не сразу, а послѣ продолжительной борьбы съ цѣлымъ рядомъ ученій, выставившихъ наслѣдниками древне-церковно-славянскаго языка едва-ли не всѣ славянскіе языки поочередно: и языкъ сербскій (Добровскій), и моравскій (Калайдовичъ), и русскій (Погодинъ)

¹⁾ Флоринскій Т. Лекція по славянск. языковѣдѣнію, стр. 5.

и, въ особенности, словенскій, т. е. языкъ паннонскихъ славянъ (Копитаръ, Миклошичъ, Вондракъ, и Ягичъ, въ первую половину его научно-литературной дѣятельности). Нѣкоторые же, какъ проф. Ламанскій и Будиловичъ, склонны считать ц.-славянскій языкъ за языкъ искусственный, исключительно литературный, въ который вошли элементы разнородныхъ славянскихъ нарѣчій ¹⁾.

Ученики Меодія — въ лицѣ Климента, Саввы, Горазда, Наума и Ангеларія — перешли въ Болгарію и принесли съ собою почти весь переводъ Библии, нѣсколько молитвъ, проповѣдей и т. п. Этотъ матеріалъ быстро разросся въ Болгаріи въ теченіи X вѣка, при знаменитомъ царѣ Симеонѣ, византійцѣ по образованію, чловѣкѣ любознательномъ, много свѣдущемъ въ исторіи и поборникѣ народнаго просвѣщенія. Въ указываемую эпоху, которая иначе и не называется въ наукѣ, какъ „золотымъ вѣкомъ“ болгарской письменности — болгарская религіозно-церковная литература обогатилась какъ оригинальными—въ видѣ проповѣдей, житій Первоучителей, похвальныхъ словъ имъ, — такъ по преимуществу *переводными* произведеніями духовнаго и свѣтскаго содержанія, въ видѣ философскихъ, риторическихъ и историческихъ статей. Почти безъ преувеличенія можно сказать, что въ это время на славянскую почву было пересажено едва ли не все лучшее, чѣмъ гордилась въ то время византійская литература. Во всякомъ случаѣ, къ этому періоду славянской письменности мы можемъ отнести, на основаніи данныхъ языка, не одну сотню произведеній оригинальнаго и переводнаго характера.

Очень рано—въ X вѣкѣ—болгарская письменность дѣлается достояніемъ Руси, а послѣ оффиціальнаго принятія христіанства при князѣ Владимірѣ ц.-славянскій языкъ вплоть до XVIII вѣка занимаетъ положеніе литературнаго языка русской письменности.

Нѣсколько позднѣе,—именно въ концѣ XII вѣка—съ принятіемъ христіанства въ Сербіи ц.-славянскій языкъ въ качествѣ литературнаго переходитъ и къ сербамъ.

Но не слѣдуетъ думать, что этотъ обиходный языкъ ма-

¹⁾ Ильинскій Г. Значеніе и мѣсто науки о др.-п.-слав. яз., Журн. Мин. Нар. Просв. 1906, кв. 1.

ленькаго некультурнаго племени возвысился до почетной роли литературнаго языка и органа высшей въ то время образованности только у однихъ перечисленныхъ главныхъ славянскихъ народовъ. Нѣтъ. Эту почетную роль онъ исполнялъ—по крайней мѣрѣ нѣкоторое время—для *всѣхъ* славянскихъ народовъ, для всего славянскаго міра. Такъ, до нашихъ дней сохранились два памятника древне-ц.-славянскаго языка, писанные несомнѣнно въ области чешскаго языка. Я разумѣю здѣсь Кіевскіе и Пражскіе листки, представляющіе собою глаголическіе отрывки римско-католическаго миссала и служебника греко-восточнаго обряда, на древнемъ ц.-славянскомъ языкѣ. Славянская литургія и славянскій литературный языкъ были извѣстны и Польшѣ, какъ достаточно ясно, хотя и кратко, свидѣтельствуешь объ этомъ Паннонское житіе Св. Меѳодія. Хотя и не сбереглось ни одного др.-ц.-славянскаго памятника словѣнской, т.-е. Паннонской редакціи, но нужно думать, по нѣкоторымъ даннымъ, что таковыя были. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность Св. Меѳодія касалась непосредственно Паннонской территоріи. Болѣе достовѣрнымъ и болѣе непосредственнымъ характеромъ отличаются свидѣтельства о др.-ц.-славянскомъ языкѣ въ Хорватіи, который и донинѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ ея пользуется правомъ богослужебнаго употребленія, хотя и въ чинѣ католическаго обряда.

Начальные шаги книжно-литературной дѣятельности всѣхъ славянскихъ народовъ несомнѣнно связаны такимъ образомъ съ великимъ подвигомъ Кирилла и Меѳодія.

Итакъ, отвѣчая на вопросъ—что такое древне-ц.-славянскій языкъ—мы скажемъ, что это былъ литературный языкъ всѣхъ славянскихъ народовъ, въ основу котораго легъ древне-болгарскій, частнѣе—македонскій. Этотъ языкъ, повторяю, и будетъ предметомъ нашихъ занятій.

Теперь, вспоминая приемы языкознанія вообще, вамъ, какъ мнѣ кажется, уже не составитъ большого труда представить себѣ въ общихъ чертахъ этотъ *матеріаль* изслѣдованія.

Именно, вашему вниманію будутъ предложены свѣдѣнія о славянахъ, носителяхъ пра-славянскаго языка;—о классификаціи ихъ племенъ;—о территоріи ихъ расселенія до настоящаго времени; дана; затѣмъ, исторія происхожденія того

древняго сколка съ ихъ пра-языка, который сталъ извѣстенъ впоследствии подъ именемъ древне-ц.-славянскаго языка; и—объемъ его литературнаго употребленія у юго-восточныхъ и западныхъ славянъ; отмѣчены, наконецъ, тѣ фонетическія, морфологическія и лексическія особенности, которыя сохранились въ этомъ языкѣ отъ первоначальнаго источника—пра-славянскаго языка.

Это послѣднее предполагаетъ необходимость изученія древнѣйшихъ ц.-славянскихъ письменныхъ памятниковъ, единственныхъ свидѣтелей минувшихъ судебъ языка. Но прежде чѣмъ приступить къ чтенію рукописей, нужно предварительно обладать познаніями въ области древней письменности; т.-е. отсюда ясна нужда въ изученіи славяно-русской *Палеографіи*, науки (буквально) о древлеписаніи.

Но это не все.

Какъ сказано,—ц.-славянскій языкъ былъ литературнымъ языкомъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, особенно у крупныхъ представителей славянскаго міра. Но эти народы, начиная съ XI вѣка, почти одновременно, подверглись ряду мощныхъ фонетическихъ процессовъ, которые, хотя и исходили, по большей части, изъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, но въ разныхъ славянскихъ языкахъ шли разными путями и давали, такимъ образомъ, разные результаты. Эти результаты, комбинируясь съ нѣкоторыми, впрочемъ немногими, индивидуальными фонетическими явленіями славянскихъ языковъ, съ одной стороны, и съ нѣкоторыми архаическими особенностями языка, уцѣлѣвшими въ разныхъ славянскихъ языкахъ въ разной степени и формѣ, съ другой,—и составили то новое, что теперь такъ отличаетъ славянскіе языки другъ отъ друга. ¹⁾ Это то новое, вкрапленное въ общую основу древняго литературнаго языка,—что отличаетъ современные славянскіе языки другъ отъ друга, и что извѣстно въ наукѣ подъ именемъ „изводовъ“ ц.-славянскаго языка, то-же будетъ предметомъ вашего изученія.

Очертивъ, такимъ образомъ, границы нашего предмета, я считаю не лишнимъ заранѣе сказать два слова и о *характерѣ* науки. Предупреждая, я вовсе не имѣю въ виду дис-

¹⁾ Г. Ильинскій, Значеніе и мѣсто науки о древне-ц.-славянскомъ языкѣ..., Журн. Мин. Нар. Просв. 1906 г. I.

кредитировать свою науку, но хочу только безпристрастно указать настоящее положеніе вещей, чтобы впослѣдствіи не было разочарованія въ ней. Именно, я долженъ сказать, что въ нашей наукѣ о догматизмѣ въ изложеніи предмета не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь на каждомъ шагѣ изслѣдованія возникаютъ сомнѣнія, такъ что безспорныхъ, общепризнанныхъ, возведенныхъ въ научный законъ, истинъ, которыя могли бы служить надежнымъ фундаментомъ для построенія идеальнаго зданія науки—здѣсь слишкомъ мало. Но эта неустойчивость въ основныхъ положеніяхъ науки пожалуй что и извинительна, если примемъ во вниманіе молодость ея. Вѣдь ей насчитывается какихъ-нибудь 8—9 десятковъ лѣтъ, изъ которыхъ добрая половина прошла вполне не научно: не принимая широкихъ размѣровъ, наука не отличалась ни единствомъ цѣли и пріемовъ, ни послѣдовательностью, а если и двигалась впередъ—при разбросанности силъ,—то медленно и разнообразно.

Теперь на очереди стоитъ вопросъ о *цѣляхъ* изученія древне-ц.-славянскаго языка, его необходимости и практической приложимости, если она есть.

При изученіи всякаго языка можно преслѣдовать тройкую цѣль. Первая, когда языкъ изучается какъ необходимое средство для сношенія съ окружающими, живымъ міромъ. Здѣсь преслѣдуется чисто практической интересъ, безъ всякаго сознательнаго отношенія къ явленіямъ языка. Именно—имѣется въ виду только возможность безъ затрудненія объясняться съ индивидуумами, умѣнье вложить свои мысли въ форму понятій нужныхъ намъ лицъ другого языка. Вторая цѣль,—когда языкъ является средствомъ къ изученію духовной жизни народа, къ точному научному пониманію объясненію и критикѣ, напр., литературныхъ памятниковъ народа. Это—спеціально филологическая цѣль. Третья—чисто научная цѣль, когда языкъ изучается для самого языка. Эта самая высшая цѣль изученія языка, когда не имѣются въ виду никакія постороннія соображенія ¹⁾).

Какая же изъ этихъ цѣлей изученія языка можетъ быть приложима къ изученію ц.-славянскаго языка?

Само собой понятно, что практической пользы съ цѣлью)

¹⁾ Учен. Зап. Казан. Унив., 1889, кн. 1., 24 стр.

сношеній съ окружающими—это изученіе не дастъ, такъ какъ ц.-славянскій языкъ—мертвый языкъ. Съ другой стороны изученіе ц.-славянскаго языка, составляющаго одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ славянскои филологіи, не можетъ ограничиться только чисто прикладнымъ значеніемъ, служа вспомогательной наукой для прочихъ дисциплинъ славистики. Различіе по существу изученія ц.-славянскаго языка, какъ извѣстной отрасли лингвистики, отъ изученія его съ чисто филологическими цѣлями состоитъ въ томъ, что филологъ интересуется языкомъ, какъ средствомъ изученія духовной жизни вообще и притомъ одного какого либо опредѣленнаго народа; между тѣмъ, какъ изслѣдователь языка, не ограничиваясь однимъ знаніемъ языка, разсматриваетъ его исторію, разслѣдуетъ его происхожденіе и дальнѣйшее развитіе. Мало того, послѣдній въ своихъ изысканіяхъ не стѣсняется областью одного даннаго языка, а, выходя за его предѣлы, изслѣдуетъ его въ связи съ другими языками. Очевидно, область филологическаго изученія языка и область языкознанія въ собственномъ смыслѣ не совпадаютъ.

Слѣд., изученіе ц.-славянскаго языка имѣетъ только чисто научную цѣль. Именно дать сравнительно ясное и отчетливое (по крайней мѣрѣ въ морфологическомъ отношеніи) представленіе о пра-славянскомъ языкѣ. Какъ наиболѣе яркій и притомъ единственный представитель общеславянскаго языка, ц.-славянскій языкъ—этотъ славянскій санскритъ, по выраженію славистовъ,—входитъ, какъ составная часть въ систему общаго сравнительнаго изученія индоевропейскихъ языковъ; а съ другой стороны, при изученіи другихъ славянскихъ языковъ новой, такъ сказать, формации, этотъ языкъ является самою надежною путеводною нитью, ибо только на его фонѣ дѣлаются такъ замѣтными всѣ новыя отслоенія, являющіяся результатомъ своеобразнаго развитія въ разные періоды, и становится понятнымъ ихъ происхожденіе. Въ частности, напр., изученіе русскаго языка, изученіе, конечно, сознательное, основанное не на условно придуманныхъ правилахъ, а на законахъ языка, немислимо безъ научнаго знанія ц.-славянскаго языка. сыгравшаго, какъ извѣстно, громадную роль въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія и оказавшаго существенное вліяніе на выработку нашей литературной рѣчи. Только подлинный филологиче-

скій анализъ въ состояніи пролить свѣтъ на весьма многіе вопросы русской орфографіи и этимологіи, которые, будучи отрѣшенными отъ историческихъ преданій языка и письменности, являются въ настоящее время полнѣйшей безсмыслицей, во всякомъ случаѣ безпочвенными.

Итакъ, предметъ нашихъ занятій, скажу словами, Бодуэна де-Куртенэ, „не искусство, не практика, не техника, а преимущественно наука, теорія, научное знаніе,—понимая отдѣльную науку въ томъ смыслѣ, что она есть упражненіе человѣческаго ума надъ суммою однородныхъ въ извѣстной степени фактовъ и понятій“¹⁾.

Но этотъ, только что подведенный нашей наукой итогъ—мнѣ такъ думается—вызоветъ у многихъ изъ васъ искреннее и вполне понятное разочарованіе въ ней. Въ самомъ дѣлѣ,—вѣдь это слишкомъ скучная исторія постигать прошлую судьбу языка въ его законахъ; т.-е. все время оперировать лишь съ сухимъ матеріаломъ, имѣть дѣло съ часто утомительными, иногда мелочными элементарными изысканіями, съ разборомъ словъ во всѣхъ грамматическихъ тонкостяхъ, разложеніемъ ихъ на самыя мелкіе элементы, чтобы подмѣтить тѣ или другія наслоенія или слѣды развитія различныхъ фонетическихъ процессовъ. У человѣка съ болѣе или менѣе „живою“ душою, человѣка, привыкшаго къ осмысленной, необходимо связанной съ высшими цѣлями собственнаго существованія, работѣ, можетъ вырваться, наконецъ, естественный вопросъ: да на что все это?—Неужели же копать въ грудѣ этого мертваго матеріала только ради самаго процесса копанія?—Не даромъ посылаютъ упреки современному языкознанію въ томъ, что оно односторонне, сухо, далеко отстоитъ отъ интересовъ жизни, слишкомъ мало примѣнимо къ ней. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, въ сравненіи напр., съ физикой, химіей, медициной оно—языковѣдніе—является полнѣйшимъ ничтожествомъ. Благодаря этому обстоятельству лингвистика и принадлежитъ къ числу наукъ, пользующихся весьма малою популярностью, и не только среди образованнаго общества, но даже и среди самихъ ученыхъ. Мало того, здѣсь нерѣдко можно встрѣ-

¹⁾ Бодуэнь—де—Куртенэ. Общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г., 153, 236 стр.

тить людей, которые не только не понимают, но даже серьезно отрицают у языкознания право или потребность на существование.

Отсюда вполне естественно спросить у языкознания:—гдѣ же та идея, которая даетъ жизнь наукѣ и вдохновляетъ ея изслѣдователей? Вѣдь немыслима и продуктивность самой работы въ какой бы то не было сферѣ человѣческой дѣятельности, если нѣтъ полной увѣренности, что именно эта сфера есть самая важная и достойная, что дѣятельность въ ней имѣетъ самостоятельное и безконечное значеніе. Гдѣ же, наконецъ, тотъ внутренній, незримый ея импульсъ, который оправдывалъ бы, съ точки зрѣнія высшихъ запросовъ духа, необходимость ея существованія?

И мнѣ думается, что такая идея—указывающая на пригодность науки для жизни—у славянскаго языкознанія есть.

Въ ряду вопросовъ, необходимо относящихся къ самому существованію человѣка, безспорно однимъ изъ самыхъ серьезныхъ является вопросъ о самопознаніи, возьмемъ ли мы его со стороны высшихъ интересовъ человѣческаго духа,—съ религіозной или этико-философской точки зрѣнія,—или же сузимъ его до объема материалистическаго, чисто-практическаго, обыденно-житейскаго приложенія ¹⁾.

Опредѣляя положеніе человѣка, какъ извѣстнаго индивидуума, въ міровой системѣ органическаго бытія вообще, разумно-свободнаго въ особенности, — этотъ вопросъ всегда возбуждалъ и возбуждаетъ неизмѣнный интересъ къ себѣ, именно въ виду этого своего безразличія для нашего самосознанія и нравственно-практической дѣятельности.

Обращаясь къ древнему, до-христіанскому міру, мы видимъ, что онъ поставляется на очередь рѣшенія въ самые раннѣйшіе моменты пробужденія человѣческой философской мысли, будучи выраженъ въ классической, всѣмъ

¹⁾ Въ борьбѣ за существованіе, за насущный кусокъ хлѣба, чѣмъ больше собственныхъ силъ и разнообразныхъ природныхъ средствъ будетъ пущено человѣкомъ въ дѣло, тѣмъ, понятно, скорѣе обезпечена побѣда. Жизненная приспособляемость къ обстоятельствамъ, инстинктивно развиваемая нарождающимися потребностями момента, ясно сознается всѣми и не требуетъ какихъ либо поясненій.

такъ хорошо извѣстной формулѣ: — „познай самого себя“. Первоначально приписываемое преданіемъ греческому философу Фалесу (род. около 620 г. до Р. Хр.), это изреченіе черезъ короткій промежутокъ времени восходитъ уже на высоту Божественнаго авторитета, считаясь, въ силу своей очевидной для каждаго смертнаго важности, знакомъ несомнѣннаго благоволенія Олимпа. „Оно заключаетъ въ себѣ такой глубокой смыслъ и такую мудрость, что было бы *слишкомъ* много приписывать его человѣку“, такъ устами Цицерона ¹⁾ языческій міръ признаетъ всю необходимость внутренней оцѣнки своего „я“, самая мысль о которой является прямымъ и естественнымъ дополненіемъ (со стороны боговъ) къ сознанію человѣкомъ себя самоопредѣляющей *личностью*. Самопознаніе необходимо должно слѣдовать за самосознаніемъ.

Переходя къ христіанству, религіи, которая по своимъ принципамъ является исключеніемъ или устраненіемъ языческаго міропониманія, мы въ данномъ случаѣ наталкиваемся на фактъ замѣчательнаго совпаденія мыслей подзаконнаго и свободнаго человѣка. Мало того, что христіанство не высказывается отрицательно къ этому духовному наслѣдію языческаго міра; наоборотъ, оно лишь сильнѣе укрѣпляетъ его въ сознаніи своихъ послѣдователей, неоднократно и разнообразно на страницахъ Божественнаго Откровенія, повторяя мысль древнихъ: „самихъ себя изслѣдывайте“ ²⁾.

Правда, между языческимъ самопознаніемъ и самопознаніемъ христіанскимъ лежитъ глубокое различіе, но это различіе касается не существа процесса, но лишь степени его обнаруженія. Въ язычествѣ этотъ вопросъ ставился еще слишкомъ обще. Онъ интересовалъ до-христіанское сознаніе главнымъ образомъ со стороны выясненія вообще существа внутренней природы человѣка, ибо, по словамъ Платона ³⁾ смыслъ надписи Дельфійскаго храма — „познай самого себя“ — состоялъ въ опредѣленіи: „звѣрь ли я, многосложнѣе и яростнѣе Тифона, или животное кротчайшее и простѣйшее,

¹⁾ О самопознаніи. Трактатъ І. Месона, пер. съ англ., М. 1872 г., стр. 11.

²⁾ *ἐαυτοὺς δοκιμαζετε*—испытывайте. 2 Кор. XIII; ср. 1 Кор. XI. 28; Лук. IX, 55; Галат. VI, 3. 4; Мк. VII, 3. 4. 5 и др.

³⁾ Phedon. p. 230. А. О самопознаніи, ст. Карцова. Странникъ, 1860 г. № 1.

носящее въ своей природѣ какой-то жребій *божественности* и незлобія“.—Но въ христіанствѣ, разъяснившемъ человѣку его богосыновнее достоинство, вопросъ о самопознаніи брался уже болѣе детально, сводился къ опредѣленію (болѣе или менѣе тонкихъ) оттѣнковъ въ индивидуальномъ проявленіи богоподобной основы — души и въ уклоненіи ея отъ нормальнаго хода развитія. Такимъ образомъ, язычество дѣйствовало въ тѣхъ предѣлахъ, которые подсказывало ему ограниченное сознание естественнаго человѣка, христіанство же, съ устраненіемъ языческой дилеммы (о сущности духовной природы человѣка) и при принципиальномъ освѣщеніи таинственной области человѣческаго духа, прямо могло расширить объемъ своихъ наблюдений. Но собственно мотивъ тамъ и здѣсь оставался одинъ и тотъ же. Напрягая свои усилія къ уясненію того невѣдомаго по существу и неизсякаемаго по глубинѣ и разнообразію обнаруженій духовнаго міра, гдѣ самыя границы сознательной и бессознательной областей еще ясно не установлены для человѣческой пытливости, изслѣдователи въ томъ и другомъ случаѣ сходились въ одной точкѣ, воодушевлялись одной идеей:—это опредѣлить свои силы, отыскать лучшія средства для личной плодотворной нравственно-практической дѣятельности. Все различіе, слѣд., состояло лишь въ степени объема и силѣ захвата.

Итакъ, съ переходомъ на христіанскую почву вопросъ о самопознаніи не только не теряетъ своей обще-человѣческой остроты и напряженности, но, наоборотъ, онъ растетъ и пріобрѣтаетъ особую силу. Онъ переходитъ въ новыя области, захватывается шире и проникается глубже, развивается вообще въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ освѣтило человѣческую душу религіозное сознание, указавшее человѣку всю глубину его немощи и силы. И этотъ усиленный ростъ самопознанія въ христіанствѣ вполне понятенъ и естествененъ, если примемъ во вниманіе, что самопознаніе неразрывно связано съ ясно здѣсь сознаннымъ представленіемъ о цѣли человѣческой жизни: самопознаніе есть необходимый поступать послѣдней.

Какую цѣль имѣетъ наша жизнь?

Истинная, подлинно христіанская цѣль нашей жизни состоитъ въ проявленіи божественной жизни въ ограниченной

формѣ индивидуальнаго человѣческаго развитія. Дѣло въ томъ, что *вся міровая жизнь вообще есть явленіе или отраженіе жизни Божественной, но явленіе въ ничтожествѣ*¹⁾. Она обнаруживается во всѣхъ явленіяхъ міровой жизни, какъ величественныхъ, такъ и ничтожныхъ; какъ въ явленіяхъ неорганической, такъ и разумной природы; какъ на высшихъ ступеняхъ человѣческой культуры, такъ и въ жизни дикарей и уродовъ физическихъ и нравственныхъ²⁾. Но, проявляясь *необходимо* въ человѣкѣ³⁾, какъ опредѣленной частицѣ всемірнаго ограниченаго бытія, эта божественная жизнь требуетъ къ себѣ съ его стороны сознательнаго отношенія. Божественная жизнь должна быть предметомъ свободной дѣятельности человѣка. „Мы должны, по слову апостола, преобразоваться отъ славы въ славу“⁴⁾. Идеаль человѣческой жизни — слава Божія. Отсюда, цѣль жизни и состоитъ въ томъ, что, сознавъ свою жизнь именно какъ жизнь Божественную, но только въ формѣ *ограниченнаго* существа, человѣкъ не только долженъ жить, но и дать возможность къ *полнѣйшему* осуществленію этой *новой*⁵⁾ формы бытія. Данную ему при рожденіи жизнь онъ обязанъ вернуть Богу, но уже въ иномъ видѣ: въ формѣ божественной жизни развитой въ ничтожествѣ.

И вотъ осуществленіе этой цѣли жизни необходимо требуетъ самопознанія.

Прежде всего, божественная жизнь, оставаясь въ существѣ своемъ всегда неизмѣняемою, въ каждомъ бытіи, а въ особенности въ мірѣ разумныхъ существъ, проявляется различно до безконечности. Обнаруженіе ея здѣсь, въ послѣдней области, такъ разнообразно и неповторяемо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ непохожи другъ на друга пропущенныя сквозь призму или раздробленныя на многограняхъ отшлифованнаго алмаза разноцвѣтныя части одного и того же солнечнаго луча. Этотъ поразительный индивидуализмъ

1) Проф. М. М. Тарѣевъ. Основы христіанства, т. III, стр. 60.

2) Тамъ же, 64 стр.

3) „Славу Божію люди возвѣщаютъ необходимо“, говоритъ Архiep. Певель, тамъ же, 64 стр.

4) 2 Кор. III, 18. Тамъ же 66 стр.

5) Божественная слава проявленная въ ничтожествѣ есть *новая* Божественная слава. Основы христіанства т. III, 63 стр.

человѣческаго сознанія, такъ духовно отличающій одного человѣка отъ другого, когда въ много-милліонномъ обществѣ нельзя найти двухъ, вполне совпадающихъ другъ съ другомъ по своимъ склонностямъ и задаткамъ ихъ духовной организаціи, особей,—свидѣтельствуя, съ одной стороны, о полнотѣ и разнообразіи обнаруженій Божественной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ наводитъ на мысль о міровой *гармоніи* этихъ обнаруженій, о предполагаемомъ *планѣ* творенія міра, въ которомъ каждый человѣкъ несетъ опредѣленную, только ему одному свойственную обязанность. — И это несомнѣнно такъ, если мы только согласимся, конечно, съ тѣмъ основнымъ положеніемъ, что первоначальнымъ планомъ творенія міра является приобрѣтеніе Богу славы въ ничтожествѣ ¹⁾. Раздробляясь при *реализаціи* этого плана (т.-е. въ настоящемъ, дѣйствительномъ бытіи) на безконечно разнообразныя и несходныя проявленія, божественная жизнь въ то-же время остается одной и той же во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Это *единство* внутренняго безусловнаго носителя нашей *общей* ограниченной жизни необходимо указываетъ и на *одну* цѣль бытія, все разнообразіе сводитъ къ одной опредѣленной точкѣ: — именно, пройти сквозь ограниченныя индивидуальныя сознанія (параллельно и вмѣстѣ съ ихъ развитіемъ), какъ частичныя выраженія собственнаго безконечнаго разнообразія и богатства, что-бы въ конечномъ результатѣ этого процесса приобрѣсти новый видъ духовнаго бытія, — видъ Божественной славы въ ничтожествѣ. Эта то центростремительность міровой жизни и въ то-же время центробѣжность ея — въ понятіи отдѣленія личности, какъ совершенно самостоятельнаго сознанія, отъ остальнаго бытія,—и создаетъ гармонію мірового процесса, въ которомъ каждая сознательная тварь, являясь личностью, особью, индивидуумомъ, въ то-же время (одновременно) есть часть мірового духовнаго организма, часть со строго опредѣленнымъ и обязательнымъ назначеніемъ. Отсюда то въ каждомъ изъ насъ, какъ личности, замѣчается та *двойственность* сознанія, которая, съ одной стороны, создаетъ ясное, непрерываемое убѣжденіе въ своей обособленности, самости типа (ученіе Лейбница о Монадѣ напр.), но съ другой стороны

¹⁾ Проф. М. М. Таръевъ. Основы христіанства, т. III, стр. 63.

и вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ чувство солидарности по отношенію къ прочимъ индивидуумамъ, заставляющее считать себя членомъ одной міровой семьи.

Указанную мысль о міровой гармоніи духовныхъ обнаруженій въ человѣчествѣ, гдѣ каждый хотя исполняетъ свою роль, но на общую пользу, мы встрѣчаемъ и у Апостола ¹⁾, который говоритъ, что „каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе“ (1 Кор. VII, 7), и всякій долженъ не пренебрегать, но „возгрѣвать даръ Божій“ въ себѣ (2 Тим. I, 6), такъ какъ „каждому дается проявленіе Духа на пользу“ (1 Кор. XII, 7); но пользу, несомнѣнно, общую, ибо „Богъ (раздающій различные дары) одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ“ ²⁾. Она, эта мысль, настойчиво проводится въ Евангельскихъ притчахъ Господа, Который, съ одной стороны говоритъ о разнообразіи дарованій: „одному далъ Онъ (приточный Господинъ) пять талантовъ, другому два, иному одинъ, каждому по его силѣ“ (Мѣ. XXV, 15), а съ другой стороны — объ отвѣтственности въ употребленіи этихъ дарованій, какъ данныхъ для общей пользы; Христосъ говоритъ о суровомъ наказаніи лѣниваго раба ³⁾. Но всего яснѣе или—вѣрнѣе—картиннѣе мысль о

¹⁾ У Апостола рѣчь идетъ собственно о христіанствѣ, но мы и судимъ о человѣчествѣ съ христіанской точки зрѣнія.

²⁾ 1. Кор. XII, 6. Ср. также Ефес. IV. 4, 7, 12, 16, 25. Мысль, приведенную въ этихъ стихахъ, а также въ XII гл. I. Кор. о всеединомъ человѣчествѣ Вл. Соловьевъ развиваетъ такъ: „Истинное, возрожденное во Христѣ человѣчество есть единое живое цѣлое, духовно-физическій организмъ, реально-несовершенный, но возрастающій и развивающійся до идеальной полноты и совершенства; члены этого организма безусловно солидарны между собою, всѣ необходимы для cadaго и каждый необходимъ для всѣхъ... каждый имѣетъ свое безусловное значеніе, свое незамѣнимое мѣсто въ общей жизненной цѣли“. Національный вопросъ въ Россіи, 162 стр., в. 2.

³⁾ Это послѣднее намъ было бы совершенно непонятно, если бы талантъ былъ данъ въ личное распоряженіе раба, имѣющаго отсюда право поступать съ нимъ по собственному усмотрѣнію. Получивъ серебро и оставивъ его безъ прироста, лукавый рабъ наказалъ бы только самого себя и не вызвалъ бы осужденія Господина. Но все дѣло очевидно въ томъ, что талантъ былъ данъ не совсѣмъ, не въ полное безконтрольное пользованіе, но данъ только взаймы, въ временное употребленіе, чтобы принести его употребленіемъ пользу барыша для другихъ, въ данномъ случаѣ для Хозяина.

разнообразіи личныхъ способностей и о необходимости ихъ приложенія къ окружающей дѣйствительности развивается въ словахъ одного языческаго писателя, который, въ предразсвѣтномъ туманѣ наступающаго христіанскаго озаренія цѣли и смысла человѣческаго существованія, предчувствуетъ какую-то планомѣрность человѣческихъ нравственно-практическихъ отправленій, не будучи еще въ состояніи, конечно, подняться на высоту богооткровеннаго ея постиженія. „Жизнь человѣческая, такъ образно разъясняетъ онъ свою мысль, есть драма, а люди актеры, изъ которыхъ каждому назначена своя роль; дирижеръ стоитъ за сценою и наблюдаетъ, какъ кто ее разыгрываетъ. У иного роль маленькая, у другого большая, у иного низкая, у другого важная. Не тому аплодируютъ, у кого главная роль, а тому, кто лучше играетъ свою, какая бы она ни была. Постараемся же каждый сыграть хорошо свою роль въ жизни, это отъ насъ зависитъ, а какую роль намъ дадутъ, это не отъ насъ, а отъ Бога“¹⁾.

Итакъ, полнѣйшее разнообразіе въ міровомъ обнаруженіи божественной жизни, а особенно въ области сознательнаго бытія, при единствѣ носителя этой жизни, заставляетъ говорить, съ одной стороны, о полнѣйшей *самостоятельной* духовной цѣнности отдѣльныхъ ея выразителей, а съ другой—о ихъ обязанности замкнуться въ одну *общую* цѣпь взаимоотношеній.

И вотъ, идя на встрѣчу этому предначертанному плану полного и разнообразнаго (въ предѣлахъ ограниченности тварей, конечно) обнаруженія божественной жизни въ формахъ человѣческой индивидуальности, чтобы занять предназначенное мѣсто въ этой міровой гармоніи высшей духовной культуры, сознательно выполнить свою „роль“ на міровой сценѣ,—человѣкъ создаетъ (обязанъ создать) подходящія условія для полного расцвѣта своихъ индивидуальныхъ задатковъ. Но чтобы развить свои силы и способности, или, вообще, особенности своего духовнаго организма, онъ долженъ прежде всего ихъ узнать. Слѣд., христіанское самопознаніе, требуемое цѣлью жизни, состоитъ съ одной стороны въ опознаніи человѣкомъ своихъ индивидуальныхъ

¹⁾ О самопознаніи. I. Месова, стр. 41.

задатковъ, опредѣляющихъ мѣсто и форму его „приванія“— (слово, потерявшее въ наши дни свой подлинный смыслъ) въ системѣ этико-соціальныхъ человѣческихъ взаимоотношеній.

Но христіанское самопознаніе не исчерпывается со стороны человѣка только приведеніемъ въ наличность его субъективныхъ особенностей, которыя рисуютъ его какъ извѣстнаго индивидуума и отводятъ ему въ системѣ мірового духовнаго прогресса строго опредѣленное мѣсто. Самопознаніе въ христіанствѣ требуется еще съ другою цѣлію. Задатки, каковы бы они ни были,—вѣдь это только *будущее* нашего духовнаго организма, сѣмя, но не плодъ; между тѣмъ, какъ у насъ есть настоящая, дѣйствительная жизнь, къ которой мы не можемъ относиться безразлично. Нарожденіе въ человѣкѣ духовной, дарованной міру во Христвѣ, жизни,—т.-е. божественной жизни въ наивысшей формѣ своего откровенія ¹⁾, обусловлено со стороны человѣка. Именно, она можетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проявиться только тогда, когда человѣкѣ къ ней подготовленъ. Эта же подготовленность къ воспріятію духовной жизни заключается, главнымъ образомъ, въ самоотреченіи человѣка, т.-е. въ сознаніи имъ своего природнаго ничтожества, своей тварности; въ глубокомъ убѣжденіи невозможности личными усиліями дать духовное содержаніе (соотвѣтствующее природѣ) собственному „я“, той неуловимой въ опредѣленіи духовной точкѣ, которая безъ этого содержанія будетъ только пустою возможностью, но не дѣйствительностью бытія. И эта обязательность смиренія, какъ условія нарожденія духовной жизни и ея дальнѣйшаго прогресса, такъ естественна и психологически понятна. Только искреннее, нелукавое сознаніе своего полного духовнаго обнищанія и порожденное отсюда чувство неудовлетворенности, даютъ естественный толчекъ къ возникновенію самой мысли о необходимости улучшенія или даже обновленія духовнаго организма, какъ единственнаго выхода изъ создавашагося положенія. Вотъ почему Евангельская проповѣдь Христа предварилась „гласомъ въ пустыни“ Крестителя, который своимъ знаменитымъ „покайтесь“ (Мѣ. III, 2) положилъ не-

1) Проф. М. М. Таръевъ, Основы христіанства, III, т. стр. 68.

обходимое начало процессу внутренняго духовнаго переворота его соплеменниковъ. Вызванная Крестителемъ переоцѣнка духовныхъ цѣнностей необходимо привела ихъ къ мысли собственнаго обновленія во Христѣ. Иначе же, сытый духовно, т.-е. самоудовлетворенный въ своихъ запросахъ, никогда не пойдетъ за „Хлѣбомъ, спешшимъ съ небесе“.

И вотъ, въ созиданіи въ насъ этого смиренія, какъ неизбежнаго условія нарожденія духовной жизни, существенную роль предмессіанскаго пророка и выполняетъ самопознаніе. Оно опытно знакомитъ насъ съ самой идеей необходимости духовнаго обновленія, развитія въ себѣ жизни божественной. Освѣщая человѣку всю глубину его естественной немощи, и тѣмъ самымъ наглядно убѣждая его въ собственномъ ничтожествѣ, самопознаніе пробуждаетъ вслѣдъ за тѣмъ чувство нужды въ приобрѣтеніи божественной жизни и развитіи ея въ объемѣ своихъ индивидуальныхъ силъ и способностей.

Итакъ, въ христіанствѣ самопознаніе еще нужнѣе, еще необходимѣе, обязательнѣе, чѣмъ въ язычествѣ, потому что въ христіанствѣ оно естественно связано съ цѣлью жизни. Для того, чтобы сознательно развить божественную жизнь въ условіяхъ своей собственной ограниченности, нужно во 1-хъ, узнать тѣ особенности, въ которыхъ проявилась эта жизнь, такъ субъективно отличная въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; а во 2-хъ,—нужно опытно убѣдиться въ своей немощи, природныхъ недостаткахъ; выяснить отрицательныя стороны своего характера, безъ чего, собственно говоря, невозможно и само сознаніе нужды воспріятія въ себя божественной жизни, дающей необходимое содержаніе нашему „я“. Только пройдя путемъ самопознанія можно достигъ подлинной жизни, и постепеннаго ея нарожденія въ себѣ: духовный прогрессъ строится на самопознаніи.

Свящ. І. Смирновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
